

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Alexis G. C. Savvides. *Byzantium in the Near East: Its Relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols (A. D. c. 1192—1237)*. Thessaloniki, 1981. 192 p.

Первая половина XIII в. после падения Константинополя в 1204 г. насыщена в истории Малой Азии бурными событиями и потрясениями. С одной стороны, разрывавшие Византию в конце XII в. сепаратистские тенденции способствовали появлению ряда независимых правителей и самозванцев, с другой — образованию (под давлением исторических обстоятельств) самостоятельных греческих государств (Никейской и Трапезундской империй). Отношения между ними в начальный период характеризуются острой борьбой, в которую вовлекаются третьи силы (Латинская империя, Иконийский султанат, туркменские племена). С 30-х годов над всем регионом нависла угроза монгольского завоевания.

Исключительно сложным, запутанным и неясным (из-за отсутствия данных) взаимоотношениям государств этого региона в первой половине XIII в. посвящено немало работ востоковедов и византистов (П. Казна, П. Хараниса, П. Виттека, С. Вриониса и многих других). Однако большинство из них изучало эти взаимоотношения «со стороны» мусульманского Востока. Сейчас перед нами — монографическое исследование греческого ученого, рассматривающего историю Малой Азии указанного периода в основном под углом зрения взаимоотношений греческих государств (Византийской, Никейской и Трапезундской империй) с Иконийским султанатом, Киликийской Арменией, туркменскими племенами и татаро-монголами, а также двусторонних отношений между названными политическими образованиями¹.

Нижней хронологической границей работы избран 1192 г. — время вступления Иконийского султаната в период его максимальной территориальной экспансии и обострения кризиса Византийской империи, приведшего ее к катастрофе в 1204 г. Верхний хронологический порог исследования — появление монголов в Малой Азии. Как нам представляется, ни нижняя, ни верхняя хронологические границы не являются действительно историческими рубежами. 1192 г. (год смерти султана Кылыч Арслана II) был скорее вехой в истории сельджукидов Рума, а не Византии, а 1237 г. не вызвал еще существенных изменений в политических отношениях рассматриваемых государств, так как монголы, потерпев поражение, ушли из Иконийского султаната². Правомернее считать такой датой 1243 г.: разгром при Кесе-Даго 180-тысячного сельджуковского войска (26 июля). Именно с этого времени обстановка и политические отношения в Малой Азии претерпевают существенные изменения. Впрочем, А. Саввидис фактически и не придерживается строго хронологических рамок, часто выходя за их пределы в исторических экскурсах.

Труд ученого состоит из пяти глав. Первая глава (с. 53—90) охватывает период с 1192 по 1207 г. Построена она несколько своеобразно: события 1192—1204 гг. (с. 74—86) освещаются после анализа политической обстановки 1204—1207 гг. Отступление от строгой хронологической последовательности часто встречается (в основном в этой главе) и при рассмотрении конкретных вопросов

¹ Этой теме посвящены и другие работы А. Саввидиса, чаще охватывающие более широкий отрезок времени: *Τό Βυζάντιο καί οἱ Σελτζούκοι τοῦρκοι τόν 'εδέκατο αἰῶνα*. Ἀθήνα, 1980; *Ὁ "Αραβος ἱστοριογράφος Ἰμπν-ал—Ἀθир (1160—1233) καί τό παγκόσμιο χρονικό του ὡς πηγή γιά τήν ἱστορία τῶν σταυροφοριῶν καί τῶν Βυζαντινο—Σελτζουκικῶν σχέσεων*. Ἀθήνα, 1981; *Ὁ σελτζούκος ἐμῖρης τῆς Σμύρνης Τζαχῆς (Сака) καί οἱ ἐπιδρομεῖς τοῦ στό μικρασιατικῆ παραλία, τά Νῆσια τοῦ Ἀγατολικοῦ Ἀιγαίου καί τήν Κωνσταντινούπολη* (с. 1081—1106)//*Χιακά χρονικά*. ΙΔ'. 1982. Σ. 2—24; ΙΕ'. 1984. Σ. 53—66; *Οἱ Μεγάλοι Κομνηνοί τοῦ Πόντου καί οἱ Σελτζούκοι τοῦ Rûm (Ἰκονίου) τήν περίοδο 1205'6—1222//*'ΑΠ. 39. 1984. Σ. 169—193; *Byzantium's oriental front in the first part of the thirteenth century: The empires of Nicaea and Trapezous (Trebizond) in view of the Seljuk and Mongol menace* // *ΕΒΜΜ*. Athens, 1982—1983. Ρ. 160—175.

² *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. С. 153—154; *Гастян А.* Завоевание Армении монгольскими войсками // *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1970. С. 165.

политической истории 1204—1207 г. Автор подробно излагает развитие византийско-сельджукских отношений в 1192—1196 гг. (с. 74—79) в связи с деятельностью двух византийских самозванцев, принявших имя Алексея, сына императора Мануила Комнина. А. Саввидис приходит к выводу, что второй (первый избрал долину Меандра) Лже-Алексей, вторгшийся в Пафлагонию в 1195 г. при поддержке независимого правителя Анкары Мас'уда, «был убран с политической сцены» самим Мас'удом, увидевшим в самозванце опасного соперника (с. 75—78).

Весьма подробно излагаются события, связанные с начальным утверждением власти Феодора I Ласкариса (борьба с латинянами, Феодором Манкафой, Саввой Асиденом, Львом Гавалой, Мануилом Маврозоном³) (с. 59—63, 86—87). Автор справедливо отмечает, что никейско-сельджукский мирный договор 1206 г. означал «временное затишье», поскольку «в период реставрации власти Кай-Хусрава I в конце 1204—начале 1205 г.»⁴ султан еще не установил контроль над всей территорией Иконийской державы (с. 58). Автор, однако, напрасно не упомянул и не прокомментировал несколько фактов ранней истории Никейской империи, весьма небезразличных, как мы полагаем, для последующего изложения.

Во-первых, оставлен без внимания вопрос о роли Константина XI Ласкариса в событиях 1204—1205 гг. с точки зрения византийско-сельджукских отношений⁵. Хотя А. Саввидис и называет в списке работ нашу статью, тем не менее он не использует ни данные восточных источников, приводимые в ней, ни ее выводы. Сложная картина взаимоотношений Никей и Икония предстает поэтому у греческого ученого в упрощенном виде. Собственно, история этих взаимоотношений излагается им начиная с разгрома Мануила Маврозома (к. 1205—н. 1206), передачи ему городов Хоны и Лаодикии и договора Феодора I с султаном в начале

1206 г. (с. 55, 61—62), предшествующие же события выпадают из поля зрения историка: поиски контактов Константина Ласкариса с султаном Сулейманом II весной—летом 1204 г.; заключение договора с Кылыч Арсланом III осенью того же года; передача городов Хоны и Лаодикии в декабре 1204 г. Никейской империи возвращавшимся в Иконий султаном Кай-Хусравом I; договор с ним же зимой 1205 г., который мы не отождествляем с договором начала 1206 г. (это два разных договора), как это понял А. Саввидис (с. 62, примеч. 1)⁶.

По нашему мнению, столь же упрощенно греческий ученый подошел и к проблеме взаимоотношений Мануила Маврозома с Никеей и султаном, к его судьбе, оспаривая взгляд английской исследовательницы А. Гарднер, считавшей, что последняя война между Феодором I и Маврозоном закончилась в 1207 г.⁷ А. Саввидис полагает, что после столкновения в начале 1206 г. Мануил Маврозоном переходит на службу к султану (с. 63) и упоминается у Ибн Биби как «эмир Комнина»⁸ (с. 59, 120). Однако прежде всего проблема «эмира Комнина» еще не решена. Имеется несколько точек зрения, и все они не идентифицируют это лицо с Мануилом Маврозоном. По П. Виттеку⁹, это был Михаил Комнин, другой зять дочери Мануила Маврозома, овдовевшей после смерти султана Кай-Хусрава I. Михаил был незаконнорожденным сыном севастократора Иоанна Комнина, который в 1198 г., находясь под покровительством султана, поднял восстание на Меандре против Алексея III. Точку зрения П. Виттека в свое время поддержал Г. Острогорский¹⁰. Оба они считали, что имелось два незаконнорожденных Михаила: один — от севастократора Иоанна Комнина — остался у Кай-Хусрава I, другой — от севастократора Иоанна Ангела — стал основателем Эпирского деспотата. Близок к этой точке зрения и Д. М. Найкол¹¹.

³ Об отношениях между Маврозоном и Кай-Хусравом I следовало бы добавить сведения из Ибн ал-Асира: *Ibn-al-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. J. Tornberg. Leiden, 1853. Vol. XII. P. 131. (Далее: *Ибн ал-Асир*).

⁴ Точнее, «в этом году (т. е. в 601 г. Х. — P. III.) в раджабе (22.02—23.03.1205 г.) овладел Гийас ад-Дин Кай-Хусрав ибн Кылыч Арслан страной ар-Рум». См.: *Ибн ал-Асир*. Там же.

⁵ Из недавних работ, отражающих два противоположных взгляда на эту проблему, укажем доклад Н. Икономидиса (*Oikonomidès N. La décomposition de l'Empire byzantine à la veille de 1204 et les origines de l'Empire de Nicée* // XVe Congrès International d'Etudes byzantines. Rapports et co-rapports. I. Histoire. Athènes, 1976. P. 22—28) и статью: *Жаворонков П. И. У истоков образования Никейской империи* // ВВ, 1977., 38. С. 30—37.

⁶ Подробнее см.: *Жаворонков П. И. У истоков...* С. 32—34. Досадны неточности в указанном примечании: автор, ссылаясь на Ибн Биби (*Duda H. W. Die Seltshuken-geschichte des Ibn Bibi*. Kopenhagen, 1959), приводит с. 8 (нужно: 38), а на Акрополита (*Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. Vol. 1) — с. 11.14 (нужно: 11.1—4).

⁷ *Gardner A. The Lascarids of Nicaea*. L., 1912. P. 75.

⁸ *Duda H. Op. cit.* S. 130, 140, 353.

⁹ *Wittek P. L'épithaphe d'un Comnène à Konia* // *Byz.*, 1935. 10. P. 505—513; *Encore l'épithaphe d'un Comnène à Konia* // *Byz.*, 1937. 12. P. 207—211.

¹⁰ *Острогорский Г.* Возвышение рода Ангелов // Юбилейный сборник Русского Археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 124—126.

¹¹ *Nicol D. M. The Despotate of Epiros*. Oxford, 1957. P. 11—15.

Однако Л. Стирнон¹² на основе большого числа византийских и западных источников доказал, что был один Михаил — Михаил Комнин Дука, законный сын севастократора Иоанна Дуки, в 1201—1203 гг. исполнявший обязанности дуки и апографеса в феме Миласа и Меланудион, а с 1204 г. — правитель Эпира. Вместе с тем предположение Ф. Кюмона¹³ и Н. А. Вейса¹⁴, будто дочь Мануила Маврозома являлась женой трапезундского Иоанна Комнина Аксуха (1235—1238), а также гипотеза К. Каэна¹⁵, согласно которой «эмир Маврозом» был одним из сыновей Мануила (он действительно прибыл с семьей в Иконию)¹⁶, неубедительны: первое не объясняет появление эмира Комнина Маврозома при Кай-Кубаде (1220 г.), а вторая игнорирует включение фамильного имени Комнина в родовую фамилию Маврозомов. Точка зрения К. Каэна могла бы считаться вполне приемлемой, если бы удалось доказать, что один из сыновей Мануила Маврозома был действительно женат на представительнице рода Комнинов.

Что касается судьбы самого Мануила, то она, вероятно, закончилась столь же плачевно, как и Феодора Манкафы, притом, как справедливо указывает А. Гарднер, в 1207 г. В «Силенционе», написанном Никитой Хониатом в феврале 1208 г., говорится, что Феодор I «вступил в бой с соединившимся с язычниками и усвоившим их обычаи (Пс. 105.35) и, отомстив (ему) за это, заковал (его) в оковы»¹⁷. Таким образом, речь идет о пленении Маврозома (из всех противников Феодора Ласкариса такая характеристика применима только к нему). Это могло произойти, скорее всего, осенью 1207 г., когда Ласкарис, заключив перемирие с латинянами, получил возможность вести военные действия против Маврозома. Пленение, а значит, и ликвидация его власти на Меандре объясняют как молчание греческих и восточных источников о нем, так и враждебность султана к Никейской империи, проявившуюся прежде всего в заключении договора с латинянами в 1208—1209 гг. против Никей.

Другим соперником Феодора I был трапезундский владетель Давид Великий Комнин. Автор датирует первую фазу никейско-трапезундской борьбы 1205—1207 гг. и излагает ход последней (с. 67—

70). Не так давно вышедшие исследования С. П. Карпова и П. И. Жаворонкова, содержащие детальный анализ никейско-трапезундских отношений в 1205—1214 гг.¹⁸ Исходя из этих работ, считаем необходимым внести наиболее важные поправки в изложение А. Саввидиса. Амастрида рассматривается им в качестве владения Феодора I в 1205—1214 гг. (с. 68, 69, примеч. 4; с. 111, 121, 126); на самом деле она принадлежала Давиду Комнину и была потеряна Трапезундом в 1214 г. Синопом, Инеем и Трапезундом владел Алексей I Комнин, а не Давид, как утверждает автор (с. 68), и они были покорены Алексеем в 1204 г. Давид принял вассальную зависимость от Анри Фландрского не в начале 1206 г. (там же), а в конце 1206 г.; до 23 августа 1206 г. был заключен союз между Давидом и латинянами. Ираклия была взята Феодором I только в 1214 г., а не в 1207 г., как думает А. Саввидис (с. 69, 89). Автор упустил из виду еще два похода Никей против Давида: в октябре—декабре 1206 г. и осенью 1208 г.¹⁹, а победу никейского полководца Андроника Гида над 300 латинянами и пленение Тьерри де Лооса отнес к лету 1206 г. (с. 69), хотя из записок Виллардуэна известно, что это произошло накануне перемирия с Анри, заключенного на 2 года в мае—июне 1207 г. Следует заметить, что поражение Синадина, полководца Давида, в 1205 г. было облегчено помощью сельджуков, которые помешали Алексею прийти на помощь войску брата²⁰.

Представляется, что А. Саввидис занижает значение Адрианопольской битвы (апрель 1205 г.), говоря, что «Никей была временно спасена» разгромом крестоносцев (с. 55). Поражение латинян позволило империи устоять в последующие годы. Не случись сражение, будущее Никей осталось бы неясным.

Ошибочно утверждение А. Саввидиса (с. 53), будто Михаил Хониат написал письмо Феодору Ласкарю («Императору Востока Ласкарю») в конце 1204 г. Как известно, императорский титул Феодор принял только весной 1205 г. Кстати, в «Библиографии» (с. 19) письмо датировано «до 1208 г.».

Несмотря на отмеченные недостатки, глава свидетельствует о стремлении автора освещать события, учитывая весь комплекс источников и доступной литературы, с максимальной полнотой и

¹² *Stiernon L.* Les origines du Despotat d'Épire: À propos d'un livre récent // *REB*, 1959. 17. P. 90—126.

¹³ *Cumont P.* Note sur une inscription d'Iconium // *BZ*, 1895. 4. S. 99—104.

¹⁴ *Bees N. A.* Die Inschriftenaufzeichnung des Kodex Sinaiticus Graecus 508 (976) und die Maria-Spiläotissa — Klosterkirche bei Sille (Lykaonien). В., 1922. S. 72—73.

¹⁵ *Cahen Cl.* Une famille byzantine au service des seldjuquides d'Asie Mineure // *Polychronion*, Festschrift für F. Dölger. Heidelberg, 1966. P. 146.

¹⁶ *Duda H.* Op. cit. S. 41.

¹⁷ *Dietsen J. L. van.* Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae. В., 1973. P. 127. 15—17.

¹⁸ *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1981. С. 148—152; *Жаворонков П. И.* Никейско-трапезундские отношения в 1213—1223 гг. // *ВО*. М., 1982. С. 183—190.

¹⁹ *Henri de Valenciennes.* Histoire de l'Empereur Henri de Constantinople / Publ. par J. Longnon. P., 1948. § 551.

²⁰ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М.; Л., 1948. Т. 3. С. 545.

подробностями описывать исторические факты. К достоинствам работы относится и глубокий анализ сложной проблемы расселения туркменских племен и их взаимоотношений с Никеей и Иконием (с. 65—67), взаимоотношений Византии и султаната в 1192—1204 гг., его политики в отношении захваченного и уведенного в плен греческого населения империи (с. 71—85).

Вторая глава посвящена периоду перелома в никейско-сельджукских отношениях, победе Никее в 1211 г., никейско-армянским отношениям. В целом А. Саввидис опирается на уже известные науке факты. Некоторой новизной отличается только характеристика состава армии Феодора I накануне битвы с сельджукским войском в июне 1211 г. (с. 97—98) и торговых путей и центров восточной Анатолии (с. 112—116).

Однако трудно согласиться с двумя положениями данной главы. Первое касается никейско-армянского союза. Греческий ученый считает, что такой союз был заключен в 1209—1210 гг. с армянским царем Левонем II в противовес союзу Икония с латинским Константинополем (1209 г.). Говоря об этом (с. 94—95), А. Саввидис не дает ссылок ни на источники, ни на литературу. Достоверно известно, что Никее заключила в это время (1208 г.) договор с царем Болгарии Борилом. Переговоры о союзе с Киликийской Арменией начались в 1213 г.²¹ Посольство Василия Каматира отправилось к Левону II не в 1209—1210 гг.²², а осенью 1213 г.²³ Из письма Никиты Хониата Каматире²⁴ не вытекает, что до этого уже были союзные отношения.

Второе замечание касается неправильной датировки речи Никиты Хониата к Феодору I²⁵. Отнесение ее к 1211 г. (с. 20, 62, примеч. 1, 109, примеч. 3)²⁶ привело к серьезной ошибке. Приводя отрывок (с. 109, примеч. 3) из речи в качестве иллюстрации значения победы Феодора I над султаном Кай-Хусравом I в июне 1211 г., греческий ученый, во-первых, неточно переводит слова Хониата «Περσῶν... ἑστραφευμένων εἰς ἡμέτερον φρούριον καθὼς παθὼν ὑπὸ τοῦ πυρός»²⁷ («Персов... вторгшихся в нашу крепость, пострадавшую от огня»), а во-вторых, исходя из неправильной датировки произведения Хониата, неверно

интерпретирует «персов» и «крепость». Речь идет о событиях конца 1205 г. (после разгрома Синадина), и под «персами» нетрудно увидеть туркоман, живших в пограничной полосе, главным образом на левом берегу Меандра, выполнявших обязанности передовых военных отрядов и несших охрану границы, но сложнее определить, какую именно «крепость, пострадавшую от огня», имеет в виду Хониат. Можно лишь предположить, что это была Лаодикия²⁸.

В третьей и четвертой главах автор обращается к анализу событий 1211—1225 гг., в частности к трапезундско-сельджукским отношениям. Автор неточно пересказывает сообщение Ибн Биби о взятии сельджуками в 1214 г. порта Синопа, принадлежавшего Трапезундской империи. Сравним для примера пересказ А. Саввидисом самого начала отрывка из хроники Ибн Биби с нашим переводом этого места. А. Саввидис пишет: «Тюркский лагерь находился недалеко от южных укреплений города (Синопа. — *Авт.*); лазутчики уведомили султана, что Кир Алекс (Алексей I Великий Комнин)... обычно каждый день выходит из города в сопровождении 500 всадников...; причину этих „exodoi“ Ибн Биби не сообщает, но, возможно, что император имел обыкновение охотиться в местности западнее города» (с. 127). Ибн Биби же писал: «...возжелал султан отправиться в Сивас и направил туда узда, украшающую мир. В один из дней он пребывал на царственном пире. Неожиданно прибыли гонцы от стражей границ с Синобуем и доставили его величеству письмо, скрепленное печатью, о том, что Кир Алекс, таквар Джанита, весьма преуспел в злодеяниях своих и вторгся во владения царя, опустошил их. Султан, хотя и весьма разгневался от услышанного, однако, чтобы не омрачить пир своим соотрапезникам, не сказал им ничего. На другой день он призвал эмиров и сообщил о происшедшем. На другой день эмиры, (взяв) отряд как можно больший, направились к Синобу. Лазутчики передали, что Кир Алекс с 500 всадниками беспечно охотится в той земле. Когда военачальники услышали об этом, подобно мысли, поспешили в движение, прибыли неожиданно на место его охоты и, как внезапная смерть во время ве

²¹ См.: Жаворонков П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211—1216 гг. // ВВ, 1976. 37. С. 57.

²² *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, 1204—1282. München; В., 1932. Bd. 3. N 1680.

²³ *Dieten J. L. van.* Op. cit. S. 186.

²⁴ *Ibid.* S. 216—217.

²⁵ *Ibid.* S. 129—147.

²⁶ В действительности она написана либо летом 1206 г. (см.: *Dieten J. L. van.* Op. cit. S. 59), либо весной 1207 г. (см.: *Grabler F.* Kaisertum und Menschenchicksale im Spiegel der schönen Reden: Reden und Briefe des Niketas Choniates. Grätz; Wien; Köln, 1966. S. 220), но в любом случае — до смерти царя Калояна (8 октября 1207 г.).

²⁷ «Когда персы (турки) были на грани вступления в наш осажденный город, который пострадал от огня» (when the Persians (Turks) were on the verge of entering our beleaguered town (Antioch), which had been damaged by fire).

²⁸ Из Ибн Биби (см.: *Duda H.* Op. cit. S. 23) известно, что по приказу султана Лаодикия была в 1200 г. сожжена и с тех пор называлась «сожженный Ладик». Вскоре после этого она была захвачена туркоманами и находилась в их власти до 1205 г.

сельца, ухватили ворот его существование»²⁹. В пересказе А. Саввидисом текста Ибн Биби много и других неточностей.

А. Саввидис упоминает о торговом значении порта Синопа для сельджуков (с. 129, 131), однако формулирует соответствующий тезис недостаточно отчетливо. Говоря о причинах нападения сельджуков на Синоп, автор подчеркивает скорее военное значение порта (с. 126). Мы полагаем, что Синоп интересовал сельджуков преимущественно как торговый порт и особенно как связующее звено между султанатом и Крымом. О важности крымской торговли для тюрок свидетельствует и сообщение Ибн ал-Асира об осаде сельджуками Трапезунда в 1205/06 г., достоверность которого автор, мы думаем, необоснованно отвергает (с. 154—155). По Ибн ал-Асиру, султан Гийас ад-Дин был вынужден принять этот поход, чтобы защитить интересы торговли между Анатолией и Крымом³⁰. По той же причине, по словам Ибн Биби, был предпринят поход сельджуков на Судак в 20-х годах XIII в.³¹

Анонимная персоязычная хроника XIV в. «Тарихи Али Сальджук» позволяет установить некоторые новые детали, касающиеся взятия Синопа в 1212 г. Хроника сообщает, что в ходе осады один из турецких эмиров сжег греческие (?) корабли в порту Синопа; после падения города был казнен «эмир румийских франков»³² (т. е. константинопольских латинян). Последнее сообщение дает возможность предположить, что латинско-трапезундский союз сохранялся по крайней мере до 1214 г.

Взятие порта Калонорос (Алания) в 1221 г., по мнению А. Саввидиса, было логическим продолжением сельджукской экспансии в южной Анатолии, целью которой было установление контроля над основными торговыми путями региона (с. 152—153). Как отмечает автор, по сообщению Ибн Биби, портом владел не-

кий Кир Фарид (کیرفارید). Мы можем добавить, что, по свидетельству «Тарихи Али Сальджук», владелец Калонорос носил имя Кир Варда (کیروارد)³³.

По всей видимости, Ибн Биби и неизвестный автор Тариха приводят разные транскрипции одного имени.

Обращаясь к трапезундско-сельджукским отношениям в 20-х годах XIII в., А. Саввидис рассматривает поход эмира Хусам ад-Дина Чупана на Судак как враждебную по отношению к Трапезундской империи акцию (с. 172). Источник этого утверждения — недоразумение: автор явно отождествляет топонимы Херсон и Крым: «И Генуя и Венеция желали сохранить важные торговые центры Херсона (Cherson's trade centres)», «сельджукские операции в Херсоне были описаны у Ибн Биби» (с. 172). (Ибн Биби сообщает только о походе на Судак.) Автор, сохранив мнения ряда современных исследователей о времени похода Чупана; принял утверждение К. Каэна, О. Турана и Ф. Тэшнера, согласно которым поход имел место в 1225 г. (там же), однако никак не обосновал свой выбор. Возможно, поход Чупана и затронул интересы Трапезундской империи, но такой вывод стал возможен только после привлечения нового для этой темы источника («Аланского послания» епископа Феодора)³⁴.

А. Саввидис считает, что «поход Чупана. — *Авт.*) вне всяких сомнений был спровоцирован итальянскими морскими республиками: и Генуя и Венеция желали сохранить важные торговые центры Херсона (Крыма (?). — *Авт.*)» (там же). О роли Генуи и Венеции в сельджукской экспедиции известные нам источники не упоминают, а автор не обосновывает своего утверждения. Следует иметь в виду, что в начале XIII в. черноморская торговля не имела большого значения для обеих итальянских республик³⁵, сельд-

²⁹ Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh D'Ibn-Bibi / Texte persan publ. . . . par M. Th. Houtsma. Leide, 1902. P. 54—55. (Далее: *Ибн Биби*). Также неточно передан А. Саввидисом другой отрывок из Ибн Биби — о захвате сельджуками Синопа в 1265 г. (с. 129). Ср.: *Ибн Биби*. С. 299.

³⁰ *Ибн ал-Асир*. Т. XII. С. 160; комментарии к сообщению см.: *Кулик А. А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗИАИ по I и III отд. СПб., 1854. Т. II. С. 705—733; *Карпов С. П.* Особенности развития поздневизантийского города-эмпория: (Трапезунд в XIII—XV вв.) // *ВО. М.*, 1977. С. 83; *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 158—159.

³¹ *Ибн Биби*. С. 127—129.

³² Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par Feridun Nafiz Uzluk. Ankara, 1952. P. 43—44.

³³ *Ibid.* P. 45. Как сообщает Сибат Спарпет, Калоноросом владел Кир Вард, внук Атома, происходившего из древнего армянского рода Арцруни. В 1198 г. Кир Вард являлся вассалом Левона, царя Киликийской Армении (1198—1219). См.: *Сибат Спарпет*. Летопись / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. 117, 128.

³⁴ *Богданова Н. М.* К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч. 1. С. 42—46. Автор датирует поход 1222/23 г., предполагая, что эмир Чупан захватил и Херсон; в связи с этим экспедиция сельджуков рассматривается как эпизод трапезундско-сельджукской войны 1223 г.

³⁵ О распространении итальянского влияния на Черноморье см.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя. . . С. 20—21, 45, 90 (там же указана основная литература по данному вопросу); *Он же*. Торговля итальянских морских республик в Южном Причерноморье в XIII—XV вв.: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. М., 1985. С. 12—14.

жуки же, как уже говорилось, были сами заинтересованы в укреплении связей с Крымом. Неосновательно и другое утверждение автора: «монгольское вторжение в 1239 г. положило конец... итальянскому преобладанию в черноморской торговле» (с. 173) — в первой половине XIII в. такого преобладания еще не было³⁶.

Пятая глава посвящена малоазиатской политике в период с 1225 г. до монгольского вторжения в Анатолию в 1243 г. А. Саввидис подробно описывает, в частности, взаимоотношения хорезмшаха Джалал ад-Дина с сельджуками, вкратце передает историю монгольского завоевания Средней Азии. Полагаем необходимым внести следующие поправки. Автор ошибочно транскрибирует и истолковывает прозвище султана Джалал ад-Дина «Мангобирти», т. е. «одаренный богом» (с. 173, примеч. 4). Правильно имя провозвещается Манкбурни (от тюрк. *منك* — родинка — и, как предполагают, от тюрк. *بورون* — нос)³⁷. Оtrarский конфликт

произошел не в 1219 г. (с. 179, примеч. 3), а в 1218³⁸. Нельзя согласиться с формулировкой: «Когда великий хан Чагатай послал войска в погоню за Мангобирти в 1227 г., последний был вынужден... искать союза с Кай-Кубадом; как говорят, одна из дочерей Шаха (т. е. Джалал ад-Дина. — *Авт.*) стала женой молодого сельджукского принца Кай-Хусрава II» (с. 179, примеч. 9). Чагатай, сын Чингиз-хана, никогда не был великим кааном. После Чингиз-хана таковым стал Эгедей (1229—1241). Хорезмшах начал переговоры с Кай-Кубадом в 1225 г.³⁹ За Гийас ад-Дина Кай-Хусрава II была выдана сестра правителя Шираза, родственница Джалал ад-Дина⁴⁰.

А. Саввидис принимает существующее в литературе утверждение о существовании союза между хорезмшахом Джалал ад-Дином и Трапезундом (с. 170, 177, примеч. 4; 182). Первым сформулировал этот тезис Я. Фальмерайер еще в 1827 г. Он основывался на сообщении Абу-ал-Фараджа о том, что после поражения от сельджуков в 1230 г. 1500 хорезмийских воинов нашли убежище в горах Трапезунда⁴¹. Другие упоминания какого-либо участия трапезундцев в сельджук-

ско-хорезмийской войне в источниках отсутствуют. Мы полагаем, что в сочетании с некоторыми другими фактами сообщение Абу-ал-Фараджа может быть истолковано и как свидетельство нейтралитета Трапезундской империи по отношению к сельджукско-хорезмийскому столкновению в 1230 г. Персидские историки XIII в. Джувейни и Рашид ад-Дин отмечают присутствие трапезундских отрядов в войске грузин, потерпевшем поражение от хорезмийцев в 1228 г.⁴² в сражении при Болнисе и Лори. Данный факт демонстрирует некое единство Грузии и Трапезундской империи в отношении к хорезмийцам. Грузия после этого поражения не решалась открыто выступить против хорезмийцев — вплоть до падения их державы — и сохранила нейтралитет в сельджукско-хорезмийской войне. Не вытекает ли из упомянутого сообщения Абу-ал-Фараджа, что и Трапезунд занимал нейтральную позицию во время событий 1230 г.?

А. Саввидис вслед за рядом историков считает, что в качестве возмездия за содействие хорезмийцам Иконийский султанат восстановил сюзеренитет над Трапезундом (с. 183). Отметим, что источники не содержат прямых свидетельств чего-либо подобного, этот тезис требует проверки. Известные источники не дают возможности сколько-нибудь определенно говорить об отношениях Трапезундской империи с государствами восточной Анатолии во второй четверти XIII в. — вопрос может проясниться лишь в свете каких-либо новых данных.

Налицо и некоторые другие неточности. Описав падение Синопа в 1214 г., автор со ссылкой на С. Вриониса говорит: «И, по словам современного исследователя, «там, где раньше читали Евангелие, теперь читают Коран, мусульманский призыв к молитве заменил церковные колокола» (с. 128—129). Приведенные А. Саввидисом слова — аллюзия на фразу из хроники XIV в., ср.: «Чтение Евангелия было заменено на чтение Откровения, бой колокола был отвергнут, а звук азапа, который есть высший знак Слова Ислама, получил совершенную полноту»⁴³.

Автор пишет далее: «Жители Мапуки... причиняли беспокойство Великим

³⁶ Карнов С. П. Торговля итальянских морских республик... С. 12—14.

³⁷ См. об этом: *ан-Насаби*. Жизнеописание Джалал ад-Дина Манкбурни / Пер. и коммент. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 301—302, примеч. 5 к «Введению»; Boyle J. A. Djalal al-Din // EI. NE. II. P. 392; The Tarikh-i-Jahan—Gusha or Ala'u'd-Din Ata Malik-i-Juwayni / Ed. with an introduction, notes and indices. . by Mirza Muhammad Ibn Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini // E. J. W. Gibb Memorial Series. 1916. Vol. XVI, pt II. P. 165—166, n. 6; P. 284—292.

³⁸ *Kramers J. H. Otrar* // El. Leiden; Leipzig, 1936. III. S. 1095.

³⁹ *ан-Насаби*. С. 359, примеч. 2 к гл. 47.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt*. München, 1827. S. 107; *Abul-Faradj*. Mukhtesir Tarikh ed-Duwal. Beyrut, 1890. P. 429—430.

⁴² *Рашид ад-Дин*. Джаме ат-Таварих. М., 1980. Т. II, ч. 1. С. 83—84; The Ta'rikh-i-Jahan-Gusha. . . P. 170, n. 5. В обоих текстах говорится о присутствии в грузинском войске отряда из Джанит'а. Топоним «Джанит» употреблялся восточными авторами, как правило, для обозначения территории Трапезундской империи.

⁴³ *Aksarayi Kerimuddin Mahmut*. Musameret ul-Ahbar. Ankara, 1944. S. 83.

Комнинам, поскольку, как писал Панарет, они были „слишком легкодоступным и богатым объектом и для чепни, и для лавов, так же как и для соседних армий Пайперта“» (с. 171—172) — этой фразы у Панарета, однако, нет.

Со ссылкой на У. Миллера, А. Саввидис утверждает, будто кавказское племя гпанов «приняло в 1345 г. участие в одном из тюркских походов в область Понта» (с. 162, примеч. 2), но это ошибочное мнение. У. Миллер неверно толкует текст Панарета, который сообщает об участии в тюркском набеге на Трапезунд неких Τζιαπνίδης⁴⁴. Как показал Э. Брайер, под Τζιαπνίδης Панарет имел в виду тюрок чепни⁴⁵, само же событие произошло в 1348 г., и У. Миллер датирует его именно так — 1348 г.⁴⁶

Большая часть отсылок к тексту хроники Ибн ал-Асира не соответствует реальному расположению материала в ци-

тируемом автором издании (на с. 59, 70, 86 и др.).

В заключение следует признать, что, хотя работа в определенной мере имеет обзорный характер (автор скуп на собственные выводы и часто обходит вниманием остродискуссионные вопросы), она все же является полезным и необходимым изданием как первая в историографии попытка систематизировать важный материал по политической истории Малой Азии первой половины XIII в. Заслугой автора является довольно широкое привлечение литературы на русском языке, что нечасто случается в зарубежной историографии. Украшают работу и облегчают восприятие фактов пять самостоятельно выполненных А. Саввидисом карт.

П. И. Жаворонков, Р. М. Шукуров

⁴⁴ Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν/Ἐκδ. Ὁ. Λαμψίδης//ἈΠ. 1958. XXII. Σ. 68.16.

⁴⁵ Bryer A. Greeks and Turkmens: The Pontic Exception // DOP. 1975. 29. P. 132—133.

⁴⁶ Miller W. Trebizond: The Last Greek Empire. L., 1926. P. 54.

Византия и арабы: новые исследования

V. Christidis. The Conquest of Crete by the Arabs (ca. 824) a turning Point in the Struggle between Byzantium and Islam. Athens, 1984. 265 p. 62 fig. 5 map. GRAECO-ARABICA. First International Congress on Greek and Arabic Studies. II, III. Athens, 1983. 297 p.+258 p.

Не так давно вновь прозвучала известная мысль О. Шпенглера, которая, будучи высказанной впервые более полувека тому назад, в значительной степени не утратила актуальности и в наши дни. «Историки, — писал он, — ориентировались на классическую филологию, но горизонт последней кончался на восточной границе греческого языка. Поэтому глубинное единство развития по обе стороны этой границы, попросту не существовавшей на уровне психологическом, так и не было замеченным. . .»¹ С полным правом отнеся это высказывание к состоянию византийско-арабских штудий, можно было бы добавить: в значительной степени «граница» между миром Византии и миром ислама искусственно создавалась европейскими учеными начиная с нового времени. В этом сказывалось, с одной стороны, преклонение перед всем греческим (тем более сильным, что сама Греция до начала XIX в. находилась под

османским игом), с другой — пренебрежительно-враждебное отношение к мусульманству².

Сегодняшней наукой, однако, уже немало сделано для разрушения ошибочного представления о почти полной разобщенности обеих культур, которая вкуче с непрекращавшимися конфессиональными спорами и военным противоборством явилась будто бы если не главной, то одной из доминирующих особенностей их контактов³.

Стремление к разрушению старого, во многом априорного представления о взаимоотношениях между миром ислама и Византией — лейтмотив первой из названных работ. Ее автор (ученик Д. Захитиноса) — греческий византинист В. Христидис — наряду с традиционной классической получил также арабистическую подготовку. Это позволило ему параллельно с греческими в полной мере использовать и арабские источники (на

¹ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Bd. 2. Welthistorische Perspektiven. München, 1922. S. 228—229. Цит. по: Аверинцев С. С. На границе цивилизаций и эпох: Вклад восточных окраин римско-византийского мира в подготовку духовной культуры европейского средневековья // Восток—Запад. М., 1985. С. 9.

² Показательно, например, отношение к восточным памятникам французского путешественника XVIII в. Жозефа де Турнефора. С его точки зрения, из развалин всех древних городов интерес представляют только греческие — благодаря сохранившимся там надписям. См.: Бартол д В. В. История изучения Востока в Европе и России // Соч. М., 1977. Т. 9. С. 312, примеч. 30. См. также: Klein-Franke F. Die klassische Antike in der Tradition des Islam. Darmstadt, 1980. S. 23, 25—33.

³ Vryonis Sp. Byzantium: it's internal History and Relations with the Muslim World. L., 1974; Cahen Cl. Orient et Occident. P., 1983.